

<i>O.HENRY</i> WITCHES' LOAVES	<i>O.ГЕНРИ</i> ЧЕРСТВЫЕ БУЛКИ (Перевод Зин. Львовского)	<i>O.ГЕНРИ</i> ЧАРОДЕЙНЫЕ ХЛЕБЦЫ (Перевод Н.А. Волжиной)
<p>Miss Martha Meacham kept the little bakery on the corner (the one where you go up three steps, and the bell tinkles when you open the door) .</p> <p>Miss Martha was forty, her bank-book showed a credit of two thousand dollars, and she possessed two false teeth and a sympathetic heart. Many people have married whose chances to do so were much inferior to Miss Martha's.</p> <p>Two or three times a week a customer came in in whom she began to take an interest. He was a middle-aged man, wearing spectacles and a brown beard trimmed to a careful point.</p> <p>He spoke English with a strong German accent. His clothes were worn and darned in places, and wrinkled and baggy in others. But he looked neat, and had very good manners.</p> <p>He always bought two loaves of stale bread. Fresh bread was five cents a loaf. Stale ones were two for five. Never did he call for anything but stale bread.</p> <p>Once Miss Martha saw a red and brown stain on his fingers. She was sure then that he was an artist and very poor. No doubt he</p>	<p>Мисс Марта Мичем содержала небольшую пекарню на углу, – ту самую, в которую ведут три ступеньки, и где сильно дребезжит звонок, когда вы отворяете дверь.</p> <p>Мисс Марте Мичем было сорок лет, ее банковая книжка показывала сбережения в две тысячи долларов, а кроме того она обладала двумя фальшивыми зубами и отзывчивым сердцем. Повыходило замуж очень много женщин, шансы которых были гораздо ниже ее.</p> <p>Два-три раза в неделю в пекарню заходил покупатель, которым она начала в последнее время интересоваться. Это был человек средних лет, в очках и с русой, аккуратно подстриженной острой бородкой.</p> <p>Он говорил по-английски с ясно выраженным немецким акцентом. Платье его было поношенное, заштопанное; висело оно на нем мешковато и местами образовало складки. Но все же он выглядел очень опрятно и отличался хорошими манерами.</p> <p>Он неизменно покупал по два черствых хлебца. Свежие хлебцы стоили по пяти центов каждый. Черствые хлебцы продавались по пяти центов пара. Он никогда не спрашивал ничего другого: только черствые хлебцы.</p> <p>Как-то раз мисс Мичем заметила на его</p>	<p>Мисс Марта Мичем содержала маленькую булочную на углу (ту самую, знаете? где три ступеньки вниз и когда открываешь дверь, дребезжит колокольчик).</p> <p>Мисс Марте стукнуло сорок, на ее счету в банке лежало две тысячи долларов, у нее было два вставных зуба и чувствительное сердце. Немало женщин повыходило замуж, имея на то гораздо меньше шансов, чем мисс Марта.</p> <p>Раза два-три на неделе в ее булочной появлялся покупатель, которым она мало- помалу заинтересовалась. Это был человек средних лет, в очках и с темной бородкой, аккуратно подстриженной клинышком.</p> <p>Он говорил по-английски с сильным немецким акцентом. Костюм на нем – старенький, неотутюженный, местами подштопанный – сидел мешковато. И, тем не менее, вид у него был опрятный, а главное – манеры хорошие.</p> <p>Этот покупатель всегда брал два черствых хлебца. Свежие хлебцы стоили пять центов штука. Черствые – два на пять центов. И ни разу он не спросил ничего другого.</p> <p>Однажды мисс Марта заметила у него на пальцах следы красной и коричневой краски. Тогда она решила, что он художник и очень нуждается. Наверно, живет где-нибудь на чердаке, пи-</p>

lived in a garret, where he painted pictures and ate stale bread and thought of the good things to eat in Miss Martha's bakery.

Often when Miss Martha sat down to her chops and light rolls and jam and tea she would sigh, and wish that the gentlemanly artist might share her tasty meal instead of eating his dry crust in that draughty attic. Miss Martha's heart, as you have been told, was a sympathetic one.

In order to test her theory as to his occupation, she brought from her room one day a painting that she had bought at a sale, and set it against the shelves behind the bread counter.

It was a Venetian scene. A splendid marble palazzo (so it said on the picture) stood in the foreground or rather forewater. For the rest there were gondolas (with the lady trailing her hand in the water), clouds, sky, and chiaroscuro in plenty. No artist could fail to notice it.

Two days afterward the customer came in.

"Two loafs of stale bread, if you please."

"You haf here a fine bicture, madame," he said while she was wrapping up the bread.

"Yes?" says Miss Martha, revelling in her own cunning. "I do so admire art and" (no, it would not do to say "artists" thus early) "and paintings," she substituted. "You think it is a good picture?"

пальцах красные и коричневые пятна. Она немедленно решила про себя, что он – художник, и очень бедный. Не было никакого сомнения в том, что он живет в мансарде, где рисует картины, ест черствые булки и мечтает об очаровательных вещах, что выпекаются у мисс Мичем.

Очень часто, когда мисс Марта сидела за чаем с булочками, котлетами и вареньем, она подавляла невольный вздох и думала о том, что было бы хорошо, если бы художник с изящными манерами разделял ее трапезу вместо того, чтобы есть сухой хлеб в своей отвратительной мансарде... Как уже указывалось выше, у мисс Марты было чрезвычайно отзывчивое сердце...

С целью проверить свое предположение относительно рода его занятий, она однажды принесла из своей комнаты картину, которую купила на аукционе, и поставила ее у полок, за прилавком с хлебом.

Это была венецианская сценка. Роскошный мраморный паллацио (так было написано на картине!) стоял на переднем плане земли, – вернее, воды. Кроме дворца, можно было видеть гондолу (с дамой, проводящей пальцем след по воде), облака, небо и обильное количество светотени. Ни единый художник не мог не обратить внимания на такую картину.

Через два дня явился покупатель.

– Будьте добры, две черствых булки.

– У вас прекрасная картина, мадам, – сказал

тается черствым хлебом и мечтает о разных вкусных вещах, которых так много в булочной у мисс Марты.

Принимаясь теперь за свой завтрак – телячьи отбивная, сдобочки, джем и чай, – мисс Марта частенько выпускала вздох и сокрушалась, что этот художник, такой деликатный, воспитанный, вместо того чтобы делить с ней ее вкусную трапезу, гложет сухие корки у себя на чердаке, где гуляет сквозняк. Сердце у мисс Марты было, как вы уже знаете, чувствительное.

Решив проверить свою догадку о профессии этого человека, она вынесла из задней комнаты в булочную картину, купленную когда-то на аукционе, и поставила ее на полку позади прилавка.

На картине изображалась сценка из венецианской жизни: на самом видном – вернее, на самом водном месте высилось великолепное мраморное палаццо (если верить подписи). Остальное пространство было занято гондолами (дама, сидевшая в одной из них, вела пальчиком по воде), облаками, небом и обилием светотени. Ни один художник не сможет пройти мимо такой картины, не обратив на нее внимания.

Через два дня покупатель зашел в булочную.

– Два шерстных хлебца, пожалуйста.

И когда мисс Марта стала заворачивать хлебцы в бумагу, он сказал:

– Какой у вас красивый картина, мадам.

– Да? – Мисс Марта пришла в восторг от собственной хитрости. – Я так люблю искусство и...

"Der balace," said the customer, "is not in good drawing. Der bairspective of it is not true. Goot morning, madame."

He took his bread, bowed, and hurried out.

Yes, he must be an artist. Miss Martha took the picture back to her room.

How gentle and kindly his eyes shone behind his spectacles! What a broad brow he had! To be able to judge perspective at a glance and to live on stale bread! But genius often has to struggle before it is recognized.

What a thing it would be for art and perspective if genius were backed by two thousand dollars in bank, a bakery, and a sympathetic heart to But these were day-dreams, Miss Martha. Often now when he came he would chat for a while across the showcase. He seemed to crave Miss Martha's cheerful words.

He kept on buying stale bread. Never a cake, never a pie, never one of her delicious Sally Lunn's.

She thought he began to look thinner and discouraged. Her heart ached to add something good to eat to his meagre purchase, but her courage failed at the act. She did not dare affront him. She knew the pride of artists.

Miss Martha took to wearing her blue-dotted silk waist behind the counter. In the back room she cooked a mysterious compound of quince seeds and borax. Ever so

он, в то время как она заворачивала булки.

– Разве? – воскликнула мисс Марта, в восторге от собственной хитрости: – я так люблю искусство и... – нет, еще слишком рано было сказать «художников!» – и картины. – Она прибавила: – Значит, вы находите, что это хорошая картина?

– Дер балацо, – сказал покупатель, – нехорошо написан. Неверно сделана перспектива. Будьте здоровы, мадам! Он взял булки, поклонился и торопливо вышел.

Да, он несомненно художник! Мисс Марта унесла картину обратно в свою комнату. Как мягко и внимательно светились его глаза за очками! Какой у него большой лоб! Быть способным с первого же взгляда судить о перспективе – и питаться черствыми булками! Но художнику всегда приходится очень много страдать, пока его признают...

Как было бы хорошо для искусства и для перспективы, если бы гений подкрепился двумя тысячами долларов, пекарней и... отзывчивым сердцем! Но, мисс Марта, все это мечты!

...Теперь, являясь в пекарню, он довольно часто болтал с ней через прилавок. Казалось, он жаждет слышать бодрящие слова мисс Марты. Он продолжал покупать черствые булки и никогда не спрашивал ни сладких печений, ни пирога, ни ее очаровательных пышек. С некоторого времени он как будто похудел и упал духом. У нее болело сердце от желания прибавить

(Не рано ли говорить: «и художников»?) – Найдя подходящую замену, мисс Марта заключила: – ...и живопись. Вам нравится эта картина?

– Тфорец нарисован неправильно, – ответил покупатель. – Неферный перспектив. До свидания, мадам.

Он взял свои хлебцы, поклонился и быстро вышел.

Да, тут и сомневаться нечего, он художник. Мисс Марта унесла картину обратно в заднюю комнату.

Какой мягкий, добрый свет излучали его глаза из-за очков! Какой у него высокий лоб! С первого взгляда разобраться в перспективе – и жить на черством хлебе! Но гениям нередко приходится бороться за существование, прежде чем мир признает их.

А как выиграло бы искусство и перспектива, если бы такого гения поддержать двумя тысячами долларов на банковском счету, булочной и чувствительным сердцем... Но вы начинаете грезить наяву, мисс Марта!

Теперь, заходя в булочную, покупатель задерживался у прилавка минуту-другую, чтобы поболтать с хозяйкой. Ее приветливость, видимо, радовала его.

Он продолжал покупать черствый хлеб. Ничего, кроме черствого хлеба, ни пирожных, ни пирожков, ни ее восхитительного песочного печенья.

Мисс Марте казалось, что он похудел за по-

<p>many people use it for the complexion.</p> <p>One day the customer came in as usual, laid his nickel on the showcase, and called for his stale loaves. While Miss Martha was reaching for them there was a great tooting and clanging, and a fire-engine came lumbering past.</p> <p>The customer hurried to the door to look, as any one will. Suddenly inspired, Miss Martha seized the opportunity.</p> <p>On the bottom shelf behind the counter was a pound of fresh butter that the dairyman had left ten minutes before. With bread knife Miss Martha made a deep slash in each of the stale loaves, inserted a generous quantity of butter, and pressed the loaves tight again.</p> <p>When the customer turned once more she was tying the paper around them.</p> <p>When he had gone, after an unusually pleasant little chat, Miss Martha smiled to herself, but not without a slight fluttering of the heart.</p> <p>Had she been too bold? Would he take offense? But surely not. There was no language of edibles. Butter was no emblem of unmaidenly forwardness.</p> <p>For a long time that day her mind dwelt on the subject. She imagined the scene when he should discover her little deception.</p> <p>He would lay down his brushes and palette. There would stand his easel with the</p>	<p>чего-нибудь вкусенького к его скромной покупке, но не хватало мужества сделать это. Она не смела оскорбить его. Она много слышала о болезненном самолюбии художников.</p> <p>Мисс Марта начала надевать в лавку свой шелковый синий в крапинку лиф. В задней комнате она варила какое-то таинственное месиво из семян айвы и буры. Многие употребляют такую смесь для цвета лица.</p> <p>Однажды покупатель вошел в пекарню, как обычно. Как обычно же, спросил черствые булочки и положил на прилавок деньги. В то время как хозяйка потянулась за булочками, послышался звук рожка, тотчас же раздался грохот и мимо пекарни тяжело протащился пожарный обоз. Покупатель поспешил к двери посмотреть, как и всякий другой сделал бы!</p> <p>В порыве вдохновения мисс Марта решила воспользоваться представившимся случаем.</p> <p>За прилавком, на нижней полке, лежал фунт свежего масла, который молочник ей принес минут десять назад. Хлебным ножом она сделала глубокий надрез в каждой черствой булке, всунула туда изрядное количество масла и снова плотно прижала булки,</p> <p>Когда покупатель повернулся, она уже заворачивала булки в бумагу. Когда же после необычно приятного короткого разговора покупатель ушел, она улыбнулась самой себе, но в то же время почувствовала в сердце легкий трепет. Не был ли чересчур смел ее поступок? Не</p>	<p>следнее время, стал какой-то грустный. Ей так хотелось добавить чего-нибудь вкусного к его скудным покупкам, но всякий раз мужество покидало ее. Она не осмеливалась нанести ему обиду. Ведь эти художники такие гордые.</p> <p>Мисс Марта стала появляться за прилавком в шелковой блузке – белой, синим горошком. В комнате позади булочной она состряпала некую таинственную смесь из айвовых семечек и буры. Многие употребляют это средство для придания белизны коже.</p> <p>В один прекрасный день покупатель зашел в булочную, положил на прилавок, как обычно, монету, в пять центов и спросил свои всегдашние черствые хлебцы. Мисс Марта только протянула руку к полке, как вдруг на улице раздался рев сирены, грохот колес, и мимо булочной пронеслась пожарная машина.</p> <p>Покупатель бросился к двери, как сделал бы каждый на его месте. Мисс Марта, осененная блестящей мыслью, воспользовалась этим.</p> <p>На нижней полке под прилавком лежал фунт сливочного масла, которое молочник принес ей минут десять назад. Мисс Марта надрезала ножом черствые хлебцы, вложила в каждый по солидному куску масла и крепко прижала верхние половинки к нижним.</p> <p>Когда покупатель вернулся от двери, она уже завертывала хлебцы в бумагу.</p> <p>После коротенькой, но особенно приятной беседы он ушел, и мисс Марта молча улыбнулась,</p>
--	---	--

picture he was painting in which the perspective was beyond criticism.

He would prepare for his luncheon of dry bread and water. He would slice into a loaf ah!

Miss Martha blushed. Would he think of the hand that placed it there as he ate? Would he –

The front door bell jangled viciously. Somebody was coming in, making a great deal of noise.

Miss Martha hurried to the front. Two men were there. One was a young man smoking a pipe a man she had never seen before. The other was her artist

His face was very red, his hat was on the back of his head, his hair was wildly rumpled. He clinched his two fists and shook them ferociously at Miss Martha. At Miss Martha.

"Dummkopf!" he shouted with extreme loudness; and then "Tausendonfer!" or something like it in German.

The young man tried to draw him away. "I vill not go," he said angrily, "else I shall told her."

He made a bass drum of Miss Martha's counter.

"You haf shpoilt me," he cried, his blue eyes blazing behind his spectacles. "I vill tell you. You vas von meddlingsome old cat"

обидится ли художник? Наверное, нет! Ведь не существует на свете язык съестного! А масло не является эмблемой назойливой смелости!

В этот день все ее мысли долго были прикованы к этой теме. Она на разные лады представляла себе, как он откроет ее маленький обман. Он отложит в сторону свои кисти и палитру. Рядом будет стоять мольберт с начатой картиной, перспектива которой выше всякой критики. Он готовится позавтракать черствой булкой и водой, он вонзает в булку нож, – ах!

Мисс Марта густо покраснела. Когда он будет есть, подумает ли он о той руке, что положила масло? Станет ли?..

В это мгновение неистово задрезжал колокольчик у входной двери.

Кто-то вошел с большим шумом. Мисс Марта поспешно вышла из задней комнаты в булочную. Там было двое мужчин. Одного из них, молодого человека, с трубкой в зубах, она никогда до сих пор не видела. Другой был ее художник. Лицо его было багрового цвета, шляпа съехала на бок, а волосы растрепались. При виде мисс Марты он дико сжал кулаки и грозно направил их в сторону хозяйки. В сторону мисс Марты!

– Dummkopf! – оглушительно закричал он: – Tausendonfer! Или что-то другое, в этом роде. Ругался он по-немецки.

Молодой человек старался увести его.

– Я не уйду, – продолжал сердито кричать немец, – не уйду до тех пор, пока не скажу ей...

хотя сердце у нее билось беспокойно.

Может быть, она слишком много себе позволила? А что, если он обидится? Нет, вряд ли! Съедобные вещи не цветы – у них нет своего языка. Сливочное масло вовсе не обозначает нескромности со стороны женщины.

В тот день мисс Марта много думала обо всем этом. Она представляла себе, как он обнаружит ее невинную хитрость. Вот он откладывает в сторону свои кисти и палитру. На мольберте у него стоит картина с безукоризненной перспективой.

Он собирается позавтракать сухим хлебом с водицей. Разрезает хлебцы и... ах!

Мисс Марта залилась румянцем. Подумает ли он о руке, которая положила в хлебцы масло? Захочет ли...

Звонок на двери злобно тренькнул. Кто-то входил в булочную, громко стуча ногами. Мисс Марта выбежала из задней комнаты. У прилавка стояли двое мужчин. Какой-то молодой человек с трубкой – его она видела впервые; второй был ее художник.

Весь красный, в сдвинутой на затылок шляпе, взлохмаченный, он сжал кулаки и яростно затряс ими перед лицом мисс Марты. Перед лицом мисс Марты!

– Dummkopf! – что есть силы закричал он по-немецки. Потом: – Tausendonfer! – или что-то в этом роде.

Молодой человек потянул его к выходу.

– Я не хочу уходить – свирепо огрызнулся тот,

<p>Miss Martha leaned weakly against the shelves and laid one hand on her blue-dotted silk waist. The young man took the other by the collar.</p> <p>"Come on," he said, "you've said enough." He dragged the angry one out of the door to the sidewalk, and then came back.</p> <p>"Guess you ought to be told, ma'am," he said, "what the row is about. That's Blumberger. He's an architectural draftsman. I work in the same office with him.</p> <p>"He's been working hard for three months drawing a plan for a new city hall. It was a prize competition. He finished inking the lines yesterday. You know, a draftsman always makes his drawing in pencil first. When it's done he rubs out the pencil lines with handfuls of stale bread crumbs. That's better than India rubber.</p> <p>"Blumberger's been buying the bread here. Well, to-day – well, you know, ma'am, that butter isn't well, Blumberger's plan isn't good for anything now except to cut up into railroad sandwiches."</p> <p>Miss Martha went into the back room. She took off the blue-dotted silk waist and put on the old brown serge she used to wear. Then she poured the quince seed and borax mixture out of the window into the ash can.</p>	<p>Он забарабанил кулаками по прилавку мисс Марты.</p> <p>– Вы испортили мне...– орал он: вы испортили мое...– И синие глаза его метнули молнии за очками. – Я хочу сказать вам... Вы – старая, драная кошка...</p> <p>Мисс Марта в изнеможении прислонилась к полкам и положила руку на свой шелковый, синий в крапинках лиф. Молодой человек схватил своего товарища за ворот.</p> <p>– Ну, идем! – сказал он сердито: вы уже достаточно наговорили ей.</p> <p>Он вытащил рассерженного художника за дверь на тротуар и затем вернулся.</p> <p>– Я думаю, мадам, что я должен объяснить вам, что тут произошло,– сказал он. Вот, собственно говоря, из-за чего весь этот шум. Это – Блюмбергер! Он инженер-архитектор. Я служу с ним в одной конторе. Он вот уж три месяца, как усерднейшим образом работает над планом нового здания ратуши. Был объявлен конкурс на премию. Вчера он закончил обведение чертежа тушью. Надо вам знать, что чертежник всегда сначала вычерчивает в карандаше, а потом, когда работа готова, он стирает карандаш крошками черствого хлеба. Это гораздо лучше резины. Блюмбергер все время покупал черствый хлеб у вас, – вы сами знаете это, мадам... И вот теперь, благодаря вам, весь его план никуда не годится, разве еще только на то, чтобы заворачивать в нем бутерброды в дорогу...</p>	<p>– пока я не скажу ей все до конца.</p> <p>Под его кулаками прилавков мисс Марты превратился в турецкий барабан.</p> <p>– Вы мне испортили! – кричал он, сверкая на нее сквозь очки своими голубыми глазами. – Я все, все скажу! Вы нахальный старый кошка!</p> <p>Мисс Марта в изнеможении прислонилась спиной к хлебным полкам и положила руку на свою шелковую блузку – белую, синим горошком. Молодой человек схватил художника за шиворот.</p> <p>– Пойдемте! Высказались – и довольно. – Он вытащил своего разъяренного приятеля на улицу и вернулся к мисс Марте.</p> <p>– Вам все-таки не мешает знать, сударыня, – сказал он, – из-за чего разыгрался весь скандал. Это Блюмбергер. Он чертежник. Мы с ним работаем вместе в одной строительной конторе. Блюмбергер три месяца, не разгибая спины, трудился над проектом здания нового муниципалитета. Готовил его к конкурсу. Вчера вечером он кончил обводить чертеж тушью. Вам, верно, известно, что чертежи сначала делают в карандаше, а потом все карандашные линии стирают черствым хлебом. Хлеб лучше резинки. Блюмбергер покупал хлеб у вас. А сегодня... Знаете, сударыня, ваше масло... оно, знаете ли... Словом, чертеж Блюмбергера годится теперь разве только на бутерброды.</p> <p>Мисс Марта ушла в комнату позади булочной. Там она сняла свою шелковую блузку – белую,</p>
---	---	---

	<p>...Мисс Марта вернулась в заднюю комнату. Там она сняла шелковый, синий в крапинку лиф и надела старую кофту из коричневой саржи, которую обычно носила. А затем она выплеснула через окно в ведро с золой смесь из семян айвы с бурой.</p>	<p>синим горошком, и надела прежнюю – бумажную, коричневого цвета. Потом взяла притиранье из айвовых семечек с бурой и вылила его в мусорный ящик за окном.</p>
--	--	---